

*341,1 *καὶ ὑπατον ἀπέφηνεν*] «post ὑπατον¹⁾ add. αὐτὸν Ζον., non Xiph[ilinus]», — въ Р написано *καὶ ὑπα^τ | ἀπέφηνεν*.

*341,4 s. *συμπλοσίων τέ τι περιβόητον συνεκρότησεν, ἐνταῦθα κτλ.*] въ Р написано *συνεκρότησεν. | ἐνταῦθα*, а у Діона LXI, 31,4 p. 6,8 s. читается: *συνεκρότησε καὶ κῶμον ἀσελγέστατον ἐκώμασεν, ἐνταῦθα κтл.*

Два остальныхъ примѣра уже извѣстны читателямъ: это — p. 342,16 (см. выше стр. 276 сл.) и p. 369,9 (стр. 254 сл.).

Заканчивая свою рецензію, считаю долгомъ замѣтить, что несмотря на всѣ вышеуказанные недочеты этого изданія Извлеченій *περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας* я признаю его весьма цѣннымъ и полезнымъ трудомъ, вполнѣ заслуживающимъ вниманія изслѣдователей и отличающимся выдающимися достоинствами преимущественно въ области методическаго установленія текста Извлеченій.

Что же касается коляцій турскаго кодекса, произведенныхъ Бюттнерь-Вобстомъ и Роозомъ, то при всѣхъ своихъ недостаткахъ, которые мною отмѣчены выше, эти коляціи все же стоятъ несравненно выше де-бооровскихъ коляцій рукописнаго преданія Извлеченій *περὶ πρέσβεων*²⁾ и *περὶ ἐπιβουλῶν*³⁾: на коляціи Бюттнерь-Вобста и Рооза въ общемъ можно полагаться, тогда какъ полагаться на де-бооровскія коляціи я никому не рекомендовалъ бы, — какъ ни расхваливаетъ ихъ „точность“ и „аккуратность“ самъ де Бооръ⁴⁾, а за нимъ и Леопольдъ Конъ⁵⁾, хотя послѣднему и не приходилось имѣть въ своихъ рукахъ рѣшительно никакой рукописи Извлеченій *περὶ πρέσβεων*.

М. Крашенинниковъ.

Θ. И. Успенскій. Исторія Византійской имперіи. Томъ I. Спб. годъ не обозначенъ. 4° 872 стр. съ 7 картами, 12 таблицами и 87 рисунками въ текстѣ. Ц. 22 рубль въ переплетѣ.

Отъ Θ. И. Успенскаго, специалиста лучше всѣхъ подготовленнаго, мы давно ждемъ общаго труда по исторіи Византіи и радуемся, что онъ наконецъ появился. Желая статью на правильную критическую точку зрѣнія, мы должны видѣть въ немъ популярное сочиненіе, рассчитанное не на однихъ ученыхъ, а преимущественно на публику, интересующуюся исторіей. „Не конкурируя, говоритъ авторъ, и не пытаюсь замѣнить изданныя исторіи Византіи, я однако питаю завѣтную мысль

1) Здѣсь у Рооза опечатка (*ὑπατόν*).

2) Ср. мою рецензію въ Визант. Врем., XIII, 1906, стр. 211—223.

3) Ср. выше стр. 171 слл.

4) ELR. ed. de Boor, praefat. p. XX s.

5) Ср. Визант. Врем. XIII, 1906, стр. 148.

дать соотечественникамъ цѣльную систему въ такой области, которую считаю наиболѣе важной послѣ отечественной исторіи для національнаго самосознанія культурнаго русскаго обывателя. Съ этой цѣлью и въ желаніи быть общедоступнымъ я не полагалъ необходимымъ дать большой научный аппаратъ ни въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, ни въ концѣ главъ (стр. XIII)“. Но самыми первыми словами предисловія авторъ наноситъ себѣ нѣкоторый ударъ и какъ будто самъ сомнѣвается, даетъ ли онъ цѣльную систему. „Я весьма сожалѣю, сообщаетъ намъ Ѡ. И. Успенскій, что поздно приступилъ къ печатанію работы, которую задумалъ не менѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Часто возникаетъ сомнѣніе, удастся ли довести дѣло до конца, такъ какъ приближаюсь къ предѣлу жизни. Въ продолженіе сорокалѣтнихъ занятій разными отдѣлами Византіи я имѣлъ случай останавливаться на многихъ вопросахъ, и многіе отдѣлы обрабатывались въ разное время и съ разными цѣлями. Но когда наступила пора суммировать доселѣ приготовленное, оказалась въ разныхъ отдѣлахъ разность настроенія и неодинаковость общей идеи“.

Дѣйствительно въ изложеніи самыхъ существенныхъ сторонъ византійской жизни у автора замѣтно нѣкоторое колебаніе. Съ одной стороны онъ преувеличенно восхваляетъ византійскую культуру, увѣряя, что Византія служила для западно-европейскихъ народовъ обильнымъ источникомъ знаній и просвѣщенія, что до конца XII столѣтія Византія стояла на недосыгаемой для западныхъ народовъ высотѣ въ области богословія, философіи и литературы (стр. 43). Ѡ. И. Успенскій раздѣляетъ какъ будто взглядъ византійскихъ писателей и обвиняетъ западно-европейскіе народы въ томъ, что они, пользуясь разсадникомъ высшей культуры, платили Византіи лишь завистью, недоброжелательствомъ и жестокостями. Однако слѣды научнаго вліянія Византіи находили почти исключительно въ переводѣ логическаго трактата Михаила Пселла, сдѣланномъ будто бы Петромъ Испанцемъ. Въ настоящее время этотъ единственный въ своемъ родѣ фактъ окончательно опровергнутъ и доказано, что какъ разъ на оборотъ греки перевели съ латинскаго сочиненіе Петра Испанца. Совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, что Византія оказала громадное вліяніе на славянъ. Частыя сношенія славянъ съ Византіей, говоритъ онъ, сопровождались разнообразными благодѣтельными послѣдствіями для славянскихъ племенъ. Византія просвѣтила ихъ свѣтомъ христіанской вѣры, она же дала имъ и основныя черты государственнаго устройства, подъ вліяніемъ Византіи развились литература славянъ и ихъ искусства. Просвѣтивъ славянъ св. крещеніемъ, Византія дала имъ богослужебный языкъ и письменность, заслуги не оцѣнимыя. Такъ смотрѣли на дѣло и сами славяне. Болгарскій князь такъ говорилъ грекамъ: Отъ васъ на всѣ страны добрый законъ исходитъ (стр. 44). Но съ другой стороны Ѡ. И. Успенскій указываетъ на пагубное вліяніе Византіи, испытанное славянами. Принимая во вниманіе, говоритъ онъ, низкую степень соціального и куль-

турнаго развитія, на которой находились славяне при соприкосновеніи съ Византіей, а также упадокъ живого творческаго духа въ правящихъ слояхъ византійскаго общества, эгоизмъ и продажность администраціи, нельзя думать, что славянскіе вожди и лучшіе передовые люди изъ славянскихъ старшинъ воспринимали только хорошее, а не дурное. Относясь къ давно прошедшимъ событіямъ безъ гнѣва и раздраженія, можемъ утверждать, что южные и юго-западные славяне, будучи передовымъ постомъ у границъ тогдашняго культурнаго міра, не только мало выиграли сравнительно со своими сѣверо-восточными сородичами, но едва ли не проиграли, рано вкусивъ запрещеннаго плода византійской культуры. Историкъ предстоитъ деликатная задача выяснитъ причины этого печальнаго явленія и показать на историческихъ событіяхъ его жизненное значеніе (стр. 395). Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ не развиваетъ своей мысли и на примѣрахъ ея не доказываетъ.

Въ общемъ же Ѳ. И. Успенскій не принадлежитъ къ специалистамъ, высказывающимъ отрицательный взглядъ на Византію. Меньшинство, по его словамъ, и то только въ позднѣйшее время, начало указывать въ Византіи такія стороны, которыя могутъ характеризовать живой и развивающійся организмъ. Признаки развитія и смѣны идей обнаружены какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ, въ обычаяхъ и учрежденіяхъ (стр. 3). Авторъ не могъ доказать, что Византія развивающійся, а не медленно угасающій организмъ. По его справедливому замѣчанію Восточная имперія перестаетъ быть продолженіемъ римской съ VII и въ особенности съ VIII вѣка, она становится съ тѣхъ поръ представительницей византизма (стр. 13). А въ первомъ томѣ авторъ доводитъ свое изложеніе до 716 г. т. е. кончаетъ тамъ, гдѣ начинается настоящая Византія. Изъ слѣдующихъ томовъ мы узнаемъ, какъ авторъ разрѣшилъ трудную задачу найти въ Византіи развивающіяся начала.

Нѣкоторое колебаніе замѣтно и въ оцѣнкѣ Юстиніана. Съ одной стороны онъ представленъ рѣдкимъ и замѣчательнымъ государемъ по широтѣ своихъ политическихъ замысловъ, ясно сознанныхъ и строго приведенныхъ въ исполненіе, по умѣнью пользоваться обстоятельствами, а главное по искусству опредѣлять дарованія окружающихъ и каждому давать соотвѣтствующее его способностямъ дѣло (стр. 415). Но съ другой стороны Юстиніанъ объявлялъ войны безъ всякихъ средствъ на ихъ веденіе и еще того хуже велъ реакціонную политику. Не ясна, говоритъ авторъ, идея его громадныхъ и дорого обошедшихся построекъ, равно какъ основная мысль его реформъ по гражданской и военной администраціи. Кромѣ того теперь уже не можетъ подлежать сомнѣнію, что отрицательныя и, если употребитъ нынѣшнее выраженіе, реакціонныя мѣры Юстиніана достигали цѣли, сопровождаясь опредѣленными реальными, хотя и весьма тяжкими послѣдствіями, между тѣмъ какъ положительныя его распоряженія рѣдко достигали тѣхъ результатовъ, на которые были рассчитаны, часто нуждались въ пере-

мѣнахъ и поправкахъ, а иногда оказывались прямо бесполезными или недостижавшими цѣли, какъ многія постройки съ военной цѣлью или административныя преобразованія (стр. 500). Если все это вѣрно, справедливо ли называть Юстиніана замѣчательнымъ государемъ? Въ своихъ заключительныхъ выводахъ, которыми *Θ. И. Успенскій* заканчиваетъ царствованіе Юстиніана, онъ колеблется по прежнему. Мы узнаемъ съ одной стороны, что Юстиніанъ неотчетливо сознавалъ реальные факты живой дѣйствительности, вслѣдствіе чего онъ не оцѣнилъ истинныхъ потребностей имперіи и матеріальныхъ средствъ, подчиненныхъ ему народовъ (стр. 604). А съ другой стороны видимъ, что Юстиніанъ умѣлъ пробудить силы государства и далъ неимовѣрное напряженіе всѣмъ умѣло сосредоточеннымъ въ его рукахъ матеріальнымъ и духовнымъ средствамъ имперіи (стр. 605).

Θ. И. Успенскій придаетъ славянству чрезмѣрное значеніе. Въ славянахъ, поселившихся на Балканскомъ полуостровѣ и постепенно слившихся съ мѣстнымъ населеніемъ, онъ видитъ не только этнографическій матеріалъ, но и культурную силу. „Задача обновленія древней имперіи, говоритъ онъ, принятіемъ новыхъ народовъ разрѣшилась на Востокѣ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ на Западѣ. Въ этомъ отношеніи главнѣйше имѣется въ виду славянская колонизація. Византійская имперія не только нашла способъ воспринять въ себя новые этнографическіе элементы, т. е. поставить варваровъ въ такое положеніе, въ которомъ бы они съ наибольшей пользой служили цѣлямъ имперіи, но еще представила опытъ согласованія романизма и эллинизма съ началами, воспринятыми отъ новыхъ народовъ. Около времени паденія Западной имперіи на Востокѣ былъ составленъ особый законникъ, въ которомъ римскія правовыя воззрѣнія согласованы и примѣнены къ потребностямъ восточныхъ провинцій имперіи. Въ VIII вѣкѣ составленъ другой законодательный памятникъ, въ которомъ не столько римское право примѣнено къ потребностямъ славянскихъ населеній, сколько передѣланъ законъ о сельскомъ сословіи согласно съ новыми началами, внесенными въ имперію новыми подданными. Переработка римскаго права въ интересахъ разноплеменнаго состава имперіи наблюдается и въ послѣдующіе періоды. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи имѣютъ слѣды славянскаго обычнаго права въ византійскомъ законодательствѣ. Въ законодательствѣ VIII вѣка являются совершенно неожиданныя и трудно объяснимыя изъ римскаго права новшества: свободное крестьянское сословіе и свободное мелкое землевладѣніе. Законъ примѣненъ къ потребностямъ населенія, живущаго въ общинѣ и владѣющаго общинной землей. Эти новшества въ греческомъ законодательномъ памятникѣ, изданномъ византійскимъ императоромъ, характеризуютъ византизмъ и показываютъ, что въ немъ заключены и славянскія правовыя воззрѣнія и слѣды славянскаго быта“ (стр. 14—16). Въ славянскомъ элементѣ авторъ усматриваетъ

важнѣйшее отличіе Византіи отъ западноевропейскихъ государствъ. На Востокъ благодаря мѣрамъ, принятымъ византійскими императорами, крестьянская община была предохранена отъ разрушенія. „Византійская община не только пережила экономическій кризисъ, но была поставлена въ такое положеніе законодательными памятниками X вѣка, что ея будущность была вполне обезпечена, и никакія разрушительныя силы не могли сломить ее до турецкаго завоеванія“. Факты, приведенные авторомъ, будучи сведены къ конечнымъ результатамъ, даютъ по его мнѣнію для Запада крупное землевладѣніе и сословныя притязанія помѣстной и служилой аристократіи, для Востока-же господство свободнаго мелкаго землевладѣнія и подчиненіе государственному принципу интересовъ помѣстнаго и служилога сословія“ (стр. 32—33).

Слѣдовательно, на Западѣ крупное землевладѣніе и крѣпостное право, на Востокъ благодаря славянамъ свободная крестьянская община. Такая картина едва ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности и едва ли въ формахъ землевладѣнія заключалось существенное отличіе между Византіей и Западомъ. Соображенія Ѳ. И. Успенскаго основаны на Земледѣльческомъ законѣ и извѣстныхъ новеллахъ X вѣка. Крестьянскій законъ, по словамъ автора, долженъ послужить точкой отсчета въ исторіи экономическаго развитія на Востокъ. Кратко говоря, въ этомъ законѣ находимъ отмѣну римскихъ правовыхъ воззрѣній на патронатъ: въ немъ нѣтъ и помина о помѣщичьей усадьбѣ и зависящемъ отъ нея крестьянскомъ населеніи. Этого мы не найдемъ въ тогдашнихъ западныхъ законодательствахъ. Но самымъ смѣлымъ и неожиданнымъ нововведеніемъ въ крестьянскомъ законѣ оказываются свободное крестьянское сословіе и мелкое землевладѣніе (стр. 28). Въ приведенныхъ словахъ кроется давнишнее недоразумѣніе, введенное въ науку тѣмъ самымъ Папаригопуло, которому по другому поводу вполне основательно возражаетъ Ѳ. И. Успенскій (стр. 292—295). Этотъ греческій ученый увѣрялъ, что Крестьянскій законъ былъ изданъ императорами-иконоборцами и отмѣнялъ крѣпостное право. Зная, что позже въ XI и XII вѣкѣ существовали парики и даже дарились императорами монастырямъ, мы должны были бы прійти къ очень странному выводу. Въ Византіи будто бы крѣпостное право было сначала отмѣнено, а потомъ восстановлено. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Правда, что въ Крестьянскомъ законѣ говорится о свободныхъ крестьянахъ. Но изъ этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что другіе законы, касавшіеся крѣпостныхъ, были отмѣнены. Ѳ. И. Успенскій справедливо называетъ Крестьянскій законъ полицейскимъ уставомъ, тракующемъ объ обычныхъ проступкахъ въ земледѣльческомъ быту, о воровствѣ, потравахъ, увѣчьяхъ, порчѣ межевыхъ знаковъ. Позволительно высказать предположеніе, что кары за уголовныя преступленія одинаково примѣнялись и къ свободнымъ и къ крѣпостнымъ. Важны въ данномъ случаѣ тѣ

статьи, которыя говорятъ объ отношеніяхъ свободныхъ земледѣльцевъ между собою. Необходимо признать тотъ фактъ, что Крестьянскій законъ имѣеть въ виду преимущественно свободныхъ крестьянъ, но изъ этого факта нельзя дѣлать широкихъ обобщеній. Крестьянскій законъ убѣждаетъ насъ въ одной несомнѣнной истинѣ и безъ того извѣстной. Въ предѣлахъ Византійской имперіи существовала свободная сельская община на ряду съ крѣпостными. Даже рабство не было отмѣнено и у помѣщика XI вѣка Воилы жили рабы. Новеллы X вѣка доказываютъ противоположное тому, что желаетъ въ нихъ видѣть Ѳ. И. Успенскій. Онѣ краснорѣчиво говорятъ о разрушеніи сельской общины. Византійскимъ императорамъ приходилось неоднократно повторять свои распоряженія, изъ чего видно, что законы не въ силахъ были остановить экономического процесса, вынуждавшего разоренныхъ крестьянъ превращаться изъ свободныхъ въ крѣпостныхъ.

Замѣчаніе же автора, будто съ римскимъ правомъ трудно согласовать свободное крестьянское сословіе и свободное мелкое землевладѣніе, надо признать простымъ *lapsus calami et memoriae*. Самъ же онъ указываетъ на то, что въ новеллахъ Юстиніана (слѣдовательно, еще задолго до Крестьянскаго закона) часто упоминаются большія деревни, населенныя свободными земледѣльцами (стр. 592). Такія деревни можно найти и еще раньше, напр. въ царствованіе Константина Великаго (Theoph. ed. de Boor, p. 29), и онѣ очевидно ничего общаго со славянами не имѣли и съ точки зрѣнія римскаго права вполнѣ объяснымы. Римское право знаетъ только два состоянія людей свободныхъ, которые могутъ имѣть недвижимую собственность, и рабовъ. Съ точки зрѣнія римскаго права гораздо труднѣе объяснить крѣпостныя отношенія. Общинное землевладѣніе легко приспособлялось къ римскимъ законамъ, потому что для римской юриспруденціи это была извѣстная форма совладѣнія. Изъ египетскихъ папирусовъ мы знаемъ, что общинное землевладѣніе не составляло рѣдкости въ Римской имперіи. Въ 140 г. деревенскіе старшины сдаютъ въ аренду общее пастбище, въ 202 г. нѣсколько деревень сообща покупаютъ землю, въ 305 г. упоминается общая собственность деревни (Mitteis und Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyrusurkunde I, 308, 314).

Точно также мы не можемъ пріяять теорію Ѳ. И. Успенскаго, которую онъ называетъ еемнымъ устройствомъ. „Въ смыслѣ учрежденія, говоритъ онъ, возникшаго въ VII вѣкѣ и развившагося при Исаврахъ, еемное устройство обозначаетъ особенную организацію гражданскаго населенія провинціи, приспособленную спеціально для отбыванія военной повинности. Такимъ образомъ, раскрыть исторію еемнаго устройства значитъ выяснить мѣры правительства по отношенію къ землевладѣнію и къ земельному устройству крестьянскаго населенія, такъ какъ военноподатная система въ концѣ концовъ основывалась на организаціи военноподатныхъ земельныхъ участковъ. Не

входя здѣсь въ изложеніе подробностей, ограничимся анализомъ одного мѣста Константина Порфиророднаго, которое вводитъ въ самое существо еемнаго устройства. Протоспаварій Θεодоръ Панкрати беретъ подрядъ на вербовать въ анатолійской еемѣ въ селеніи Платаніаты и въ ближайшихъ деревняхъ 500 ратниковъ, способныхъ къ стрѣльбѣ и годныхъ къ конной службѣ. Если ратники окажутся владѣющими полнымъ земельнымъ надѣломъ, то обязываются на собственный счетъ сдѣлать кавалерійское снаряженіе; если же надѣлъ ихъ недостаточенъ, то они имѣютъ право на полученіе коней съ казенныхъ конскихъ подставъ или взятыхъ съ одиночекъ-соплательшиковъ анатолійской еемы. Это мѣсто, въ которомъ есть нѣсколько техническихъ выраженій, вскрываетъ явленіе, до сихъ поръ остававшееся незамѣченнымъ, что существо еемнаго устройства заключается не въ военныхъ отрядахъ, имѣвшихъ расположеніе по городамъ и селеніямъ, а въ самомъ характерѣ экономического и земельного устройства сельскаго населенія“ (стр. 655—656).

Въ указанномъ мѣстѣ Константина Багрянороднаго (De Cerim. I 657—658) мы однако не находимъ явленія до сихъ поръ незамѣченнаго. Въ книгѣ о церемоніяхъ говорится, что протоспаварій Θεодоръ Паграти (*ὁ τοῦ Παγκράτη*, по всей вѣроятности армянинъ Багратъ) получилъ порученіе отправиться въ анатолійскую еему и описать жителей мѣстности Платаній и поставить изъ нихъ, а также изъ жителей анатолійской еемы отборный отрядъ въ 500 человекъ, хорошихъ стрѣльковъ, а также хорошихъ кавалеристовъ, если таковые окажутся, изъ архонтовъ ли или изъ схоляріевъ; если схоляріи получаютъ ругу полностью, они должны сдѣлать кавалерійское снаряженіе на свой счетъ, если же они получаютъ ругу не полностью, они имѣютъ право получить казенныхъ лошадей. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что Платаній поставляетъ 500 кавалеристовъ армянъ (р. 652) и что армянамъ изъ Платанія полагается руги на 500 человекъ по 6 номизмъ каждому, а всего 41 литра 48 номизмъ (р. 655). О какихъ бы то ни было земельныхъ надѣлахъ въ указанномъ источникѣ совсѣмъ не говорится. Рѣчь идетъ о ругѣ, т. е. о жалованьи. Изъ лѣтописи Θεοφάνη мы знаемъ, что войско получало ругу и что иногда руга уменьшалась. Такъ было напр. при императорѣ Маврикіи (Theoph. ed. de Boor, p. 260. *ἦν γὰρ αὐτοκράτωρ τῷ Φιλίππικῷ κελεύσας τετάρτην μοῖραν τῆς ρόγας τῷ στρατῷ ἀποστερῆσαι*. Ср. p. 263 *πρὸς τὸ ὑπομείβουσι τὰς τῶν στρατιωτῶν ρόγας*). Тотъ же императоръ приказалъ стратигу Петру выплачивать третью часть руги золотомъ, третью часть оружіемъ, третью часть платьемъ (Theoph. p. 274). Последнее указаніе совпадаетъ съ тѣмъ случаемъ, который предвидитъ Книга о церемоніяхъ. Въ случаѣ нѣкоторымъ солдатамъ изъ Платанія выдается не полная руга, они имѣютъ право получить въ видѣ дополненія казенную лошадь.

Въ отдѣлѣ объ обложеніи земли податями Θ. И. Успенскій обсуждаетъ старинныя теоріи Савиньи и другихъ, высказанныя въ 70-хъ

годахъ прошлаго вѣка, и не пользуется новой литературой 20-го вѣка. „Кромѣ общихъ распоряженій относительно писцовыхъ книгъ, говоритъ авторъ, и возложенія строгой отвѣтственности на провинціальныхъ чиновниковъ за фактическое примѣненіе на мѣстахъ государственной земельной переписи, на основаніи законодательства Юстиніана является возможность ознакомиться съ нѣкоторыми спеціальными явленіями въ системѣ землевладѣнія. Прежде всего сюда относится родъ круговой поруки состоятельныхъ владѣльцевъ за неимущихъ, имѣющей техническое обозначеніе *ἐπιβολή* или надбавка. Происхожденіе этого учрежденія чисто-фискальное. Въ томъ случаѣ, если крестьянинъ состоящій уже въ опредѣленномъ соотношеніи къ обществу своихъ сосѣдей-крестьянъ по отбыванію повинностей за общественные выпасы и поля, умереть или сдѣлается неспособнымъ исполнять лежавшія на немъ хозяйственные и платежныя обязанности, то остальное общество должно взять на себя освободившійся крестьянскій участокъ съ лежащими на немъ казенными платежами. Это есть *ἐπιβολή*, надбавка доли бѣднаго на болѣе состоятельныхъ, необработаннаго участка на подвергающійся хозяйственной культурѣ надѣлъ“ (стр. 595—596). Такъ говоритъ авторъ на основаніи Цахаріэ фонъ Лингентала, но изъ единственной новеллы, на которую онъ въ дальнѣйшемъ ссылается, совсѣмъ не видно, что надбавка касается исключительно крестьянъ. Наоборотъ въ одномъ мѣстѣ имѣются въ виду исключительно помѣщики. Если окажется, переводить Ѳ. И. Успенскій, что владѣлецъ какого-либо участка (правильнѣе: имѣнія) не въ состояніи вносить причитающейся съ него подати, и потому настоятельно необходимо возложить на другихъ лежащія на участкѣ повинности, повелѣваемъ немедленно передать его имѣющимъ одноцензовыя или одновладѣльческія имѣнія со всѣми находящимся въ немъ земледѣльцами (т. е. крѣпостными) и имуществомъ ихъ, съ запасами и плодами и скотомъ и со всѣмъ находящимися тамъ инструментомъ (т. е. инвентаремъ). Рѣчь идетъ очевидно не о крестьянинѣ, оказавшемся не въ состояніи платить подати, а о помѣщикѣ, владѣющемъ крѣпостными. Что касается происхожденія надбавки, его нельзя искать въ законѣ 512 г., на который указываетъ Ѳ. И. Успенскій. Папирусы даютъ намъ по этой части новый матеріалъ, и византійская надбавка развилась изъ принудительной аренды казенной земли, слѣды которой можно найти въ Египтѣ еще въ эпоху Птолемеевъ (Mitteis u. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde I, 316 сл.).

Такъ какъ авторъ имѣлъ въ виду не специалистовъ, а публику, то нѣкоторымъ мелкимъ недочетамъ не слѣдуетъ придавать большого значенія. Обыкновенные читатели, не изучающіе Византію по источникамъ, а только ею интересующіеся, во всякомъ случаѣ найдутъ въ книгѣ Ѳ. И. Успенскаго много новаго и интереснаго и съ удовольствіемъ будутъ разсматривать прекрасныя иллюстраціи.

П. Безобразовъ.